

ТЕАТР МЕЙ ЛАНЬ-ФАНА

...Резная коробка с драгоценностями, цветной ларец, у которого одна стенка, обращенная к публике, изъята — вот сцена китайского театра. На задней сцене — две двери, завешенные шелковыми занавесками. На сцене — стол и два стула с прямыми спинками.

Это — все...

На этой сцене могут разыгрываться битвы армий, любовные истории, страдания и умирать герои, и не нужно здесь менять и нагромождать сложных декораций, а какой-нибудь лишний, принесенный во время действия стул, занавеска, пара знамен, свечка или весло, или меч — меняют сцену и всю обстановку действия. Это — законченная театральная условность. И еще особенность китайского театра — его синтетичность. Вы можете увидеть танцы, пение, акробатику, нежную лирическую драму и страшную трагедию — чередующиеся одно за другим, никак не связанные между собой, но и не мешающие этому театру, сюжетно вмещающему в себя все

формы и жанры высокого и тонкого китайского искусства.

Но что же происходит на сцене?

Вот семья бедного рыбака — отец и дочь. Они пришли на реку. Дочь входит в лодку. Отец отталкивает ее от берега и прыгает в нее. Они берут серебряные весла и начинают грести. Они приседают попеременно, стоя на носу и на корме лодки: лодка покачиваясь на волнах быстрой реки плывет в желтых песчаных берегах Северного Китая. Вот они приплыли на место ловли рыбы. Они забрасывают свою убогую сеть... Потом они ее ловко и осторожно выбирают из воды. Они наловили рыбы. Они возвращаются домой, снова тихо покачиваясь в лодке, точно крыльями — серебряными веслами подгребая прозрачную воду: и кажется, видно даже, как отражаются в воде их весла, а солнечное утро бросает на голубую воду их покачивающиеся тени.

Вот они возвращаются домой...

К ним приходят друзья, такие же рыбаки. Один из них — с пылающей огромной бородой. Это — темпераментный, пылкий человек! Вы увидите сейчас кусочки китайского старинного, еще и сегодня сохранившегося быта: они пьют чай — церемония угощения такая же у этого бедного рыбака, как и у самого императора... Рыбак подает чашку чая своему гостю. Но гость отказывается, предлагая начало сделать хозяину. Так повторяется несколько раз, пока кто-нибудь из них не начнет, достаточно насладившись старинной церемонией...

Потом приходит сборщик податей.

Он собирает налог с рыбаков. Но бедному рыбаку нечем заплатить. Он оттягивает, просит отсрочить уплату долга: он честный рыбак — он не отказывается от налога. Он заплатит дня через два... А кругом — идут восстания бедняков...

И хозяин провинции снова посылает за деньгами.

Но денег все равно нет, их откуда взять!

Тогда бедный рыбак решает: он собирается в путь. Дочь не хочет, чтобы отец охал один: она уговаривает отца взять ее с собой...

И снова они плывут в лодке. Но теперь уже ночь. Вот они причалили к берегу. Тихо, неслышно прыгает на берег отец. Так же неслышно перебарывает дочь с лодки ему на руки завернутые в тряпки мечи, которые они захватили с собой.

Вот они пришли уже во дворец Даоиня, правителя. Они обнажают мечи и убивают сатрапа.

После этого бедный нищий рыбак решает бежать со своей дочерью в горы и там присоединяется к восставшим.

Бьют барабаны. Конец.

И другая пьеса — «Радужный перевал». В этой пьесе разворачивается вся тонкость игры Мэй Лань-Фана.

Вот завязка старинной лирической драмы:

«... Бесник сообщает воинам Радужного перевала, что армия Гончарного кряжа вызывает их на бой».

Генерал Син, командир армии Радужного перевала, колеблется. Но его воинственная жена Син Тун-фа начинает уговаривать генерала принять вызов.

Жену генерала исполняет Мэй Лань-Фан: очень сдержанна его игра вначале, — только изумительная игра ругает страсти, кипящие в этой маленькой красивой женщине...

Генерал решил. Генерал отправляется на битву с молодым генералом Ваном: они скажут на конях, они бьются. Ван убивает противника...

Валится, как старинный дуб, разукрашенный флагами своих отличных полков, как ветвями — валится сраженный стрелой генерал Син.

Вдова Сина возглавляет армию Радужного перевала, ведет ее в бой и искусно дерется с Ваном.

Во время битвы она влюбляется в Вана: и как она дерется с ним и как она глядит на него!

Непреклонен воинственный Ван. Но женщина хитра и ловка: она завладевает его красным шарфом — символом мужества...

Она покоряет армию Гончарного кряжа.

Генерал Ван сдаётся...

Но ей этого мало — она хочет его в мужья. И здесь все обаяние, вся нежность китайской женщины раскрывается перед нами. Она ходит вокруг него танцующей походкой, чуть покачивая бедрами, она хочет чуть прикоснуться к нему: что-то начать говорить... Но гордость женщины ей этого не позволяет. Она борется сама с собой. Наконец она решает: нежно, как мамочка ветерок, она касается его плеча своими скользкими пальчиками и здесь она начинает ликующе петь.

Нежная музыка ей аккомпанирует: смолкли ударные инструменты — поют только скрипки...

Он — согласился!

Нежная Син увидела призрак своего мужа... Начинается борьба. Меч, принесенный для убийства Вана — в руках снова воинственной Син.

Игра с мечом, переходящим из рук в руки, в момент смертельной опасности, проводится Мэй Лань-Фаном со всем блеском и силой мастерства старинного китайского театра.

Но это меч — ее умершего мужа: она его узнала, ее охватывает ужас. — Ван пользуется этим и убивает ее...

Взмах меча по воздуху и нежно склоненная головка бледной женщины. Все.

Мэй Лань-Фан свой театр называет: «Новым театром старых форм».

Что же в нем нового?

Мне кажется — тот тончайший условный реализм, в котором как музыкой освещены и приближены к нам через века и даже тысячелетия — его роли, вся новая передача этих старинных, давно застывших пьес, рожденных в императорских дворцах и вышедших оттуда на площади и базары городов, в игру замечательных народных актеров, акробатов, рожающих цирк, клоунаду и изощренную аквилибристику...

Но какой же все-таки далекий от сегодня в Китае — этот замечательный китайский театр Мэй Лань-Фана: смотришь и думаешь — кажется: спит многомиллионный Китай, кажется не существует ничего за тысячелетними стенами этого феодального царства «спокойствия».

Мир остальной точно вымер...

А ведь за этими шелковыми стенами идет иная китайская жизнь, совершенно отличная от этого мира спокойствия.

Какое застывшее искусство!

Хотя и какое прекрасное искусство...

Ник. Коостарев.